

Ника Литвинова

Аська

Ника Литвинова

Аська

<https://litres.ru/74632912>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Ты знаешь, - говорит она, - у моей бабушки был сундук. Старый такой, деревянный. И там хранились всякие вещи: открытки, билеты в кино, засушенные цветы, фотографии. И я как-то спросила:

- Бабушка, зачем ты всё это хранишь? А она мне ответила: "Это моя жизнь, Настенька. Каждая вещь - моё воспоминание, моменты, когда я была счастлива".

- И знаешь... я тогда подумала, что тоже хочу такой сундук. И обязательно полный счастливых моментов.

Я улыбаюсь: - У тебя будет целый сундук, Аська. Даже два.

А она смотрит как-то странно и говорит:

- А что, если не будет времени его наполнить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	58
Глава 10	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ника Литвинова

Аська

Глава 1

Сентябрь, семнадцатое число. Сажу на физике, как обычно, за первой партой. Никто не хочет сидеть со мной. Говорят, я зануда. Ну да, я отличник, и что? Мне нравится учиться, нравится, когда всё по правилам. Когда есть порядок. Может, я и правда зануда...

Сергей Петрович объясняет про силу тяжести. У меня уже всё записано в тетради, красиво, аккуратно. Выделил заголовок синей ручкой, основное написал чёрной. Все под линейку, все аккуратно. Мне нравится, когда тетрадь выглядит как учебник, только лучше. Так и говорю иногда ребятам: - Зачем вам учебник? У меня в тетради всё то же самое, только понятнее. И тут дверь открывается. Резко так. И в класс буквально влетает девчонка. Рыжая. Очень рыжая, даже не так... огненная. Волосы как пламя, честное слово. На руках браслеты, они звенят, когда она двигается. А она постоянно двигается. Она не входит, а вбегает, не говорит, а выпаливает:

- Извините, пожалуйста! - кричит она Сергею Петровичу, - Я заблудилась три раза! Представляете? Три раза в одном

здании! Такое вообще бывает? И смеётся. Громко так.

Сергей Петрович смотрит на неё поверх очков и не знает, что сказать. А я смотрю... и тоже не знаю, что сказать. Все смотрят.

- Вы новенькая? - наконец спрашивает Сергей Петрович.

- Ага! Анастасия Вербицкая! - отвечает она и опять смеётся. - Можно просто Аська. Мне так больше нравится. Сергей Петрович хмурится. Он не любит, когда его перебивают, а тем более когда опаздывают. А тут всё сразу.

- Присаживайтесь... Анастасия, - говорит он, подчёркивая имя. - Вон там есть свободное место.

И показывает на мою парту. На место рядом со мной. Свободное, потому что со мной никто не хочет сидеть. Потому что я зануда.

Аська. Я сразу начинаю мысленно называть её Аськой, хотя обычно обращаюсь к людям только по полному имени. Она идёт по проходу. Я замечаю, что у неё разные носки торчат. Один в полоску, другой в клетку. И ботинки какие-то странные, как будто армейские, но раскрашенные разноцветными маркерами. Она плюхается на стул рядом со мной, и вся парта трясётся. Моя идеальная тетрадь подпрыгивает, и линия, которую я только что провёл по линейке, становится волнистой.

- Привет, - шепчет она. - Я Аська.

- Артем, - отвечаю я шёпотом, стараясь не привлекать внимание Сергея Петровича.

- Классно, - кивает она. - А у тебя есть ручка? Я свою, кажется, потеряла где-то между вторым и третьим блужданием по коридорам. Эта школа как лабиринт, честное слово!

Молча достаю из пенала запасную ручку. У меня всегда есть запасная ручка. И запасной карандаш. И запасная линейка. Я люблю, когда всё под рукой, когда не нужно ни у кого просить.

- Спасибо! - говорит она слишком громко. - Ты меня спас. Буквально спас. Я уже представляла, как буду записывать всё в уме. А у меня с физикой... ну, скажем так, отношения сложные.

- Анастасия! - строго говорит Сергей Петрович. - Вы опоздали на урок, а теперь ещё и мешаєте его вести.

- Извините, - говорит она и как-то сразу съёживается.

Мне становится её жалко. Я осторожно отрываю листок из своей тетради, аккуратно, по линии и пишу: "Можешь посмотреть мои записи, я всё записал".

Она читает, смотрит на меня и улыбается. У неё улыбка... какая-то слишком большая для её лица. И веснушки. Много веснушек. И глаза... зелёные? Карие? Не могу понять. Она пишет в ответ: "Спасибо! Ты мой спаситель номер два сегодня! Первым была вахтер, которая показала, где вообще находится кабинет физики".

Читаю её почерк. Он такой размашистый, неровный, буквы прыгают, как будто торопятся куда-то. Совсем не похож на мой. У меня аккуратный, ровный, каллиграфический. На-

верное, так и должно быть. Я смотрю на её рыжие волосы, на разноцветные браслеты, на разные носки, на этот сумасшедший почерк и понимаю, что в моей упорядоченной жизни появился какой-то... хаос. Аська перехватывает мой взгляд и шёпотом говорит:

- Знаешь, такое чувство, что я попала в параллельную вселенную. Тебя там случайно не было? Я не знаю, что ответить. В параллельной вселенной? Меня? Что она вообще имеет в виду? Но прежде чем я успеваю спросить, она уже увлечённо рисует что-то на полях тетради. Какие-то звёзды, планеты, кометы.

- Анастасия! Может, вы нам расскажете, что такое сила тяжести? - вдруг спрашивает Сергей Петрович.

Аська вздрагивает, встаёт. Я вижу, как она растерянно смотрит на доску, потом на меня.

- Сила тяжести? - повторяет она. - Это... это когда что-то падает вниз?

Класс смеётся. Я вздыхаю. Осторожно поднимаю руку.

- Да, Артем? - говорит Сергей Петрович. - Можно я отвечу? - спрашиваю я.

- Пусть отвечает новенькая. Она так увлечена разговорами на моем уроке, должно быть, уже всё знает.

Аська стоит, опустив голову. Я вижу, как она краснеет, как её веснушки сливаются с этим румянцем. И вдруг чувствую, что мне очень хочется ей помочь. Это странно, потому что обычно я не лезу в чужие дела. У каждого свои проблемы,

своя жизнь. Но сейчас...

- Сила тяжести - это сила, с которой Земля притягивает к себе тела, - говорю я, не поднимая руки. - Она действует на все тела и направлена к центру Земли.

Сергей Петрович смотрит на меня с удивлением.

- Артем, я не спрашивал тебя.

- Извините, - говорю я. - Но мы с Анастасией сидим вместе, и я... я должен ей помогать. Как её... как её сосед по парте.

Сам не понимаю, что говорю. Откуда это взялось? Я никогда не нарушаю правила. Никогда не отвечаю без разрешения. Никогда не спорю с учителями. Но сейчас почему-то сделал всё это сразу. Аська смотрит на меня с таким удивлением, словно я только что превратился в инопланетянина прямо у неё на глазах.

- Садитесь, оба, - вздыхает Сергей Петрович. - И записывайте то, что я говорю, а не то, что вы друг другу рассказываете.

Аська садится и шёпотом спрашивает:

- Зачем ты это сделал?

Пожимаю плечами. Я действительно не знаю. Не могу объяснить. Это не вписывается в мою систему координат.

- Ты классный, - говорит она и улыбается своей слишком большой для её лица улыбкой. - Я чувствую, мы подружимся.

И в этот момент я почему-то думаю: "А ведь она как комета. Яркая, внезапная, непредсказуемая. Влетела в класс и

перевернула всё с ног на голову". Комета по имени Аська.

Я даже не подозреваю, как сильно изменится моя жизнь из-за этой встречи. Как сильно изменюсь я сам.

Глава 2

После урока все сразу обступают Аську. Как это обычно бывает с новенькими. Откуда ты? Где раньше учились? А ты где живёшь? У тебя есть брат, сестра? А она отвечает как-то... ну, не так, как обычно отвечают. Не пытается понравиться, не старается произвести впечатление. Просто отвечает.- Откуда я? Ну, изначально из роддома. Как и все, наверное. И смеётся. И все замолкают, не понимая, шутит она или серьёзно.- А, вы про город... Из Новосибирска. Но мы много переезжали. Мама работу меняет часто. Я стою чуть в стороне. Всегда так стою. Не в центре, не на краю. Такой... средненький. Тёма. Артём. Имя, которое забывают сразу после знакомства. Лицо, которое сливается с толпой. Но я привык. И вдруг Аська смотрит прямо на меня. Поверх голов всех этих любопытных одноклассников. И говорит:- А ты что молчишь? Тоже хочешь что-нибудь спросить? И все оборачиваются на меня. И мне становится так неловко, что я чувствую, как краснею. Ненавижу краснеть. Особенно когда все смотрят.- Да нет, - говорю. - Ничего.- Ну и правильно, - она улыбается. - Всё самое интересное никогда не спрашивают при всех. Что это вообще значит? Я не понимаю, но почему-то эта фраза застревает у меня в голове. И я думаю о ней весь день. На следующий день Аська приходит в класс и садится рядом со мной. Опять. Хотя есть другие места. И на-

чинает диалог:- Знаешь, я вчера видела, как на чердаке нашего дома живёт ежик. Представляешь? Ежик. На чердаке. Пятый этаж. Как он туда забрался?Смотрю на неё и не знаю, что ответить. Потому что кто начинает разговор с такого? Никто. Никто, кроме неё.- Не знаю, - говорю. - Может, кто-то принёс?- Может, - она задумчиво кивает. - А может, он сам. Может, он всю жизнь мечтал залезть повыше и посмотреть на мир сверху. И вот добрался.И я почему-то представляю этого ежика. Маленького такого, с лапками, карабкающегося по ступенькам. Пыхтящего. И мне становится смешно.- Чего ты смеёшься?

- Да так, представил этого ежика-альпиниста.- О! - она оживляется. - Вот именно! Ежик-альпинист. Или ежик-мечтатель. Как думаешь, у ежеиков бывают мечты?И мы почему-то начинаем говорить о ежиных мечтах. О том, что они могли бы мечтать о тёплой норке, о куче яблок, о том, чтобы не впадать в спячку... И это так глупо, но так весело. И я вдруг ловлю себя на мысли, что давно не говорил о чём-то настолько... бессмысленном. Но таком живом.А потом приходит учитель и мы замолкаем. Но Аська продолжает что-то рисовать в своей тетради. Я украдкой смотрю. Это ёжик. В альпинистском снаряжении. На вершине горы. И я улыбаюсь весь урок.

После занятий Аська неожиданно спрашивает:- Ты куда сейчас?

- Домой, - отвечаю. - А что?

- Пойдём со мной, - говорит. - Я хочу мороженое. Но одной как-то скучно. И я иду. Просто иду. Хотя должен был идти домой, делать уроки, потом на тренировку по футболу. Но почему-то говорю: - Ладно, пойдём.

И мы идём. Покупаем мороженое в вафельных стаканчиках и садимся на скамейку в парке. Едим молча. Но это не то молчание, когда неловко и не знаешь, что сказать. Это такое... спокойное молчание. Как будто мы уже сто лет знакомы.

- Ты всегда так? - вдруг спрашивает она. - Как так?

- Ну, соглашаешься, когда тебя зовут? - Нет, - задумываюсь. - Вообще-то нет.

- А почему сейчас согласился?

Пожимаю плечами. - Не знаю. Просто... захотелось.

- Вот! - она торжествующе поднимает палец. - Вот это и есть настоящая жизнь. Когда делаешь то, что захотелось, а не то, что должен.

И я смотрю на неё и думаю: "Какая же она странная. И классная". Это первый раз, когда я подумал, что Аська классная. Но точно не последний. Так она вошла в мою жизнь. И с этого момента всё стало другим. Просто другим. И я теперь не могу даже вспомнить, как было до неё. Как будто она всегда была рядом. Как будто весь мир изменился в тот момент, когда она вошла в класс и сказала: "Можно просто Аська. Мне так больше нравится!"

Глава 3

Аська для меня необычная. Иногда смотрю на неё на уроках: обычная, сидит, записывает с доски. Ну, девчонка и девчонка. А потом она поднимает руку и говорит что-то такое, от чего все затихают. И учителя тоже. Но учиться Аська хорошо. Вот сегодня на литературе обсуждаем Евгения Онегина. И все как обычно, Татьяна любила, Онегин отказал, потом он влюбился, а она уже замужем. Лариса Викторовна, наша учительница, говорит что-то про долг, про то, что Татьяна это идеал русской женщины. И тут Аська поднимает руку. - Да, Настя, - говорит Лариса Викторовна. Все учителя продолжают называть её Настей, а не Аской. - А вам не кажется, что вся эта история просто про гордыню? Ну, Татьяна признаётся в любви, Онегин её отвергает. А потом, когда она становится богатой и статусной, он вдруг влюбляется. И она ему мстит, прикрываясь долгом. Типа, смотри, я теперь недоступна. Как и ты тогда для меня. И все страдают, а всё из-за чего? Из-за того, что не могут просто сказать: - Эй, я был неправ или знаешь, я всё ещё тебя люблю, несмотря ни на что. В классе тишина. Лариса Викторовна смотрит на Аську так, будто та сказала что-то непристойное. - Настя, ты... ты не понимаешь глубины произведения. Пушкин показывает нам силу женского характера, верность долгу... - Да нет, я понимаю, - перебивает Аська. - Просто мне кажется, что

верность долгу - это просто красивое оправдание для того, чтобы не рисковать. Не раскрываться. Не быть уязвимым. И все опять замолкают. А я смотрю на Аську и думаю: "Как она может говорить такие вещи вслух? Прямо при всех?"

После урока все обсуждают эту выходку. Кто-то говорит, что Аська выпендривается. Кто-то, что она просто не читала произведение нормально. А Лёшка Воронин, наш главный умник, заявляет, что она не способна оценить классику. А Аська как будто и не слышит. Идёт по коридору, что-то напевает себе под нос. Я догоняю её.

- Ты специально это сказала? Про Татьяну.

- В смысле специально? - она удивлённо смотрит на меня.

- А как ещё? Случайно, что ли?

- Нет, ну... чтобы всех шокировать.

- Тёма, - она останавливается и смотрит мне прямо в глаза, - ты правда думаешь, что я просыпаюсь утром и думаю: "Так, кого бы сегодня шокировать?" Нет, я просто высказала свою точку зрения. Почему мы не можем говорить то, что думаем? Где это написано?

И я вдруг понимаю, что она права. Она просто говорит то, что думает. Без оглядки на то, что подумают другие. И это... это так странно. И так смело. У нас никто не высказывался так в классе.

Я всегда был правильным. Ну, вот таким вот... как бы это сказать... образцовым, что ли. Ну, то есть родители мне говорили:- Артем, надо делать уроки и я делал. Или там:- Артем,

нужно ходить на футбол и я ходил. И так было всегда. Я даже не помню, чтобы я когда-нибудь с ними спорил. Ну вот серьезно, не помню такого. А что спорить? Папа говорит: "Надо". Мама говорит: "Так правильно". И я делаю. Потому что... ну а как иначе-то? Правильно значит правильно. И вот так бы всё и продолжалось, наверное, если бы не Аська.

Как-то утром мы столкнулись у входа в школу. Я пришёл как обычно, где-то за полчаса до первого звонка. Люблю, знаете, не торопясь подняться в класс, разложить учебники, подготовиться. А Аська стоит у крыльца и смотрит на часы. Так смотрит, будто ждёт чего-то. Или кого-то. Стоит, оглядывается по сторонам с этими своими рыжими волосами, закрученными в два таких... рожка. Два торчащих рожка из рыжих волос. Просто... ну смешно же! Вот прям нелепо. А ещё и веснушки эти... Прям такие... яркие, заметные. Как будто кто-то взял и брызнул ей на лицо краской. И когда она смеётся, они как будто прыгают у неё на щеках. А она часто смеётся. Вот прям часто.

- Привет, - говорю я, останавливаясь рядом с ней. - Ты чего здесь стоишь?

- Жду, - отвечает она загадочно.

- Кого?

- Тебя, - она улыбается.

- Меня? Зачем?

- Пошли! - она хватается за руку.

- Куда? - упираюсь. - У нас сейчас первый урок. Алгебра.

- Вот именно! - она закатывает глаза. - Алгебра! А ты посмотри на улицу.

Я оглядываюсь. День... ну, просто волшебный. Такой бывает только осенью, когда утром ещё прохладно, но уже ясно, что днём будет настоящее тепло. Такой настоящий осенний день, знаете? С желтыми листьями, которые постоянно шуршат под ногами, с дождями и с этим запахом... Запахом прелых листьев и школьных тетрадок. Для меня осень всегда пахнет тетрадками. Не знаю почему.

- Красиво, - признаю. - Но причём тут алгебра?

- Ты что, не понимаешь? - Аська смотрит на меня так, будто я сказал невероятную глупость. - В такой день нельзя сидеть на алгебре! В такой день нужно... ну, я не знаю, бегать по опавшим листьям! Гулять по парку!

- Но у нас уроки, - напоминаю, хотя что-то внутри меня уже откликается на её слова.

- И что? - она пожимает плечами. - Уроки каждый день, а такой день раз в году, может быть.

- А как же... - оглядываюсь на школу. - Нас же потом накажут.

- Ну и что? - снова пожимает плечами Аська. - Подумаешь, запись в дневнике. Зато будет что вспомнить.

И я... Я, который никогда в жизни не прогуливал уроки... Я киваю.

- Хорошо, - говорю. - Но только недолго. Потом вернёмся.

- Договорились! - Аська аж сияет. - Идём скорее, пока нас

никто не заметил.

И мы побежали. Просто побежали от школы через дворы, через детскую площадку, через маленький сквер. Бежали и смеялись, как будто за нами гнались. Хотя на самом деле никто не гнался. Просто... просто было здорово, вот так бежать навстречу солнечному дню, не зная, что будет дальше. Когда мы наконец остановились у маленькой кондитерской, я спросил:

- Так куда мы идём?

- А ты как думаешь? Чем можно заняться в такое утро?

- Не знаю, - честно ответил я.

- Давай сначала зайдём сюда, - она показывает на кондитерскую. - Я умираю с голоду.

Внутри кондитерской вкусно пахло свежей выпечкой и кофе. За прилавком стояла полная женщина в фартуке и улыбалась. Аська подошла к витрине и стала разглядывать пирожные. - Смотри! - она указала на маленькие корзиночки с ягодами. - Правда, красивые? - Красивые, - согласился. - Но дорогие. - Сегодня особенный день. В особенные дни можно тратить деньги на красивые вещи. Мы купили по корзиночке и по стаканчику горячего шоколада и вышли на улицу. Сели на лавочку в маленьком сквере напротив и стали есть. Я никогда раньше не ел пирожных просто так, среди бела дня, сидя на скамейке. Обычно мама покупала что-нибудь к чаю, и мы ели дома, за столом, с салфетками.

- Ты чего улыбаешься? - спрашивает Аська, слизывая

крем с пальца.

- Я не улыбаюсь, - говорю я, хотя чувствую, что улыбаюсь.

- Улыбаешься-улыбаешься, - она тычет в меня пальцем. -

Вот, смотри, уголки губ подняты, глаза сощурены. Это улыбка, Артём. Признай это.

- Хорошо, улыбаюсь, - соглашаюсь я. - Просто думаю... что это всё... необычно.

- Что? Прогулять школу? - она смеётся. - Ой, подумаешь, великое дело. Будто ты никогда не прогуливал.

- Не прогуливал, - честно отвечаю.

- Серьёзно? - она перестаёт есть корзиночку и смотрит на меня с таким удивлением, будто я сказал, что никогда не пил воды. - Вообще ни разу?

- Вообще, - пожимаю плечами.

И это правда. Я никогда не прогуливал. Я всегда был тем самым мальчиком, про которого учителя говорят: "Вот, берите пример". Я приходил в школу за полчаса до звонка, всегда делал домашнюю работу, всегда поднимал руку, когда знал ответ. Я был... правильным. Очень правильным.

Мои родители всегда говорили, что выделяться плохо. Что нужно быть как все, только лучше. Учиться лучше, вести себя лучше, быть лучше. И я старался. Очень старался. Потому что хотел, чтобы они мной гордились, чтобы не разочаровывались. Чтобы никогда не сказали: "Мы от тебя такого не ожидали".

А потом мы идём в парк и Аська рассказывает мне о сво-

их планах на будущее. О том, что хочет стать журналистом или фотографом. И я вижу, какая она... увлечённая. Как горят её глаза, когда она говорит о своей мечте. И мне становится немного стыдно, потому что у меня нет такой мечты. Есть только планы родителей на моё будущее. Технический университет, престижная работа, стабильный доход. Но нет мечты. Нет того, что заставило бы мои глаза гореть так же, как горят глаза Аськи. Мы гуляем по парку часа два. Просто так. Говорим обо всём. Точнее, в основном говорит Аська, а я слушаю. Она рассказывает про книжки, которые читала, про фильмы, которые смотрела, про какие-то свои мысли. Я раньше и не знал, что у человека может быть столько мыслей. И таких разных. А ещё она всё время меня спрашивала: "Что я думаю? что я чувствую?"

И это было странно. Потому что меня раньше никто не спрашивал, что я чувствую.

И вдруг мой телефон звонит. И я вижу на экране "Мама". И внутри всё холодеет. Потому что я понимаю нас заметили. Заметили, что нас нет на уроках. И сейчас начнётся...

- Алло, - говорю я, и мой голос дрожит.- Артём, - голос мамы звучит напряжённо, - мне звонили из школы. Сказали, что тебя нет на занятиях. Что происходит?

- Я... - я не знаю, что сказать. Потому что никогда раньше не врал. Никогда не нарушал правил. Никогда не делал ничего, что могло бы вызвать такой звонок.- Мы заболели, - вдруг громко говорит Аська, выхватывая у меня телефон. -

Здравствуйте, это Анастасия, одноклассница Артёма. У нас отравление. Мы поели в столовой вчера и нам стало плохо. Мы сейчас идём в больницу.

И она врёт так... естественно. Так убедительно. Что я даже сам почти верю.

- Но всё в порядке, мы справимся. Извините, мне нужно идти, у меня... всё плохо, - и она издаёт такой достоверный стон, что я невольно начинаю смеяться.

- Передай телефон Артёму, - говорит громко моя мама, и даже с расстояния я слышу в её голосе недоверие.

Аська протягивает мне телефон, и я снова говорю:

- Да, мама...

- Артём, где вы на самом деле? - спрашивает мама. - Я знаю, что вы не отравились. Вас видели в парке.

- Я... - я снова не знаю, что сказать. И чувствую, что краснею. Потому что не умею врать. Никогда не умел.

- Мы с Аськой прогуливаем, - говорю, и сам удивляюсь своей честности. - Решили... не пойти сегодня на уроки.

- Понятно, - голос мамы становится ледяным. - Тогда будьте добры прийти в школу прямо сейчас. Вместе с... этой Аськой. Мы будем ждать вас в кабинете директора.

И она кладёт трубку. А я сижу, смотрю на телефон, и чувствую, как внутри всё горит от страха. Потому что я знаю, что будет дальше. Знаю, что родители будут разочарованы. Знаю, что мне будет... плохо.

- Ну что? - спрашивает Аська, доставая свой телефон из

рюкзак. - Не поверила?

- Не поверила, - качаю головой. - Нас видели в парке. Нам велено прийти в кабинет директора. Прямо сейчас.

- Вот блин, мне тоже мама звонила - она морщится. - Ну ладно, пойдём. Не такая уж это и катастрофа. Подумаешь, прогуляли урок.

И она так спокойна, так невозмутима, что мне становится немного легче. Потому что если она не боится, то, может быть, всё действительно не так страшно?

Глава 4

В кабинете директора нас уже ждали.

- А, прогульщики пожаловали, - говорит директор, когда мы входим. - Присаживайтесь.

Моя мама вся красная и нервная, она всё время теребила свою сумочку. А Аськина мама... Я её раньше никогда не видел. И почему-то представлял, что она будет похожа на Аську, такая же рыжая, веснушчатая, с этими её рожками. Но Аськина мама оказывается строгой бизнес-леди в костюме и с идеальной причёской. Она не была похожа на женщину, у которой дочь может ходить с рожками на голове.

Мы садимся на стулья перед его столом, и я чувствую, как мои колени дрожат. А Аська сидит прямо, спокойно, и только лёгкая улыбка играет на её губах.

Директор долго рассказывает, как мы всех подвели, как нарушили дисциплину, как мы своим поведением позорим школу. И что нас, конечно, не выгонят, но это очень серьёзный проступок, и что теперь... ну и так далее. Я даже не особо вслушиваюсь, если честно.

Моя мама почти плачет. Ей так стыдно за меня. А Аськина мать молчит и внимательно слушает директора. Вот прямо внимательно, не перебивает, не вздыхает, просто слушает.

И когда директор заканчивает свою речь, моя мама начинает извиняться. Говорить, что такого больше не повторит-

ся, что она не знает, что на меня нашло, что я всегда был таким хорошим мальчиком. А потом заговорила Аськина мама. Она внимательно смотрит на директора и спокойно говорит:

- Я понимаю ваше возмущение. У меня через полчаса важная встреча, так что давайте ближе к делу. Что именно вы хотите от нас?

Директор аж опешила. Она как будто не ожидала такого ответа. Она-то, наверное, думала, что Аськина мама тоже будет извиняться и обещать, что такого больше не повторится.

- Ну, - говорит директор, - нам бы хотелось, чтобы вы как родители приняли меры...

- Какие именно? - перебивает Аськина мама. - Хотите, чтобы я её наказала? Хорошо, я лишу её карманных денег на неделю. Это подойдёт?

- Дело не только в наказании, - начинает директор. - Важно, чтобы дети поняли...

- Думаю, они уже поняли, - снова перебивает она. - Вы им полчаса объясняли, что так делать нельзя. Я уверена, они всё усвоили. А теперь, если позволите, мне действительно пора. Вы же закончили?

- Пожалуй, да, - кивает директор. - Но предупреждаю: если такое повторится, последствия будут более серьёзными. И добавляет глядя на нас с Аськой:- Я надеюсь, что это больше не повторится. Особенно учитывая, что вы оба способные ученики с хорошим потенциалом. Было бы жаль, если

бы вы начали... растрачивать его впустую.

Мы киваем, и директор отпускает нас. Выходим из школы. Моя мама и Аськина не разговаривают друг с другом. Вообще. Даже не смотрят в сторону друг друга. Как будто их разделяет какое-то силовое поле. Аськина мама сухо кивает в никуда и говорит:

- До свидания.

Моя мама так же сухо отвечает:

- До свидания.

А потом Аськина мама берёт Аську за плечо и ведёт её к парковке, где стоит чёрная блестящая иномарка. Машина такая новая и чистая, что кажется нарисованной. Аська оглядывается на меня и быстро, одними губами говорит: "Позволю". Они садятся в машину. Машина плавно трогается с места и уезжает.

Мы с мамой остаёмся вдвоём.

- Пойдём, - говорит она.

Мы живём в пяти минутах ходьбы от школы. Обычно это удобно, но сейчас я бы предпочёл ехать на автобусе часа два, чтобы оттянуть неизбежный разговор про прогул. Листья под ногами шуршат как будто специально, так громко, настойчиво, словно хотят привлечь внимание. Они жёлтые, оранжевые, красные, все такие яркие, как цветные фантики. Я наступаю на один такой, особенно хрустящий, и мама тут же говорит:

- Тёма, хватит шаркать. Хочу сказать, что листья для того

и существуют осенью, чтобы по ним шаркать, но решаю не нарываться.

Я знаю, что она злится, но ещё не решила, что мне сказать. Дома я сразу иду к себе в комнату, и мама не останавливает меня. Просто говорит:- Папа придёт и поговорим.

И вот я сижу в своей комнате и думаю. Не о том, что мне будет, а о том, как классно мы провели с Аськой время. Я, кажется, никогда в жизни столько не разговаривал. Ни с кем. Даже с мальчишками, с которыми дружу с первого класса. С Аськой как-то легко говорится. Она задаёт вопросы и не такие, как взрослые, не для проверки, а потому что ей правда интересно. И слушает так, будто от моего ответа зависит что-то важное. Слышу, как хлопает входная дверь. Папа пришёл с работы. Мама что-то говорит ему на кухне тихим голосом. Я слышу своё имя и слово прогул. Потом папины шаги. Они тяжёлые, медленные.

- Можно? - спрашивает он, стоя в дверях моей комнаты. Говорю "да", хотя мне хочется сказать "нет".

Он садится на край моей кровати. Я сижу за столом, делаю вид, что читаю учебник по истории, хотя на самом деле просто пялюсь в одну точку уже минут двадцать.

- Ну, рассказывай, - говорит папа. И я рассказываю. Папа слушает, не перебивает. Потом долго молчит, а я жду, что будет дальше.- Артём, - наконец говорит он, - ты понимаешь, что пропустил уроки? И что это может отразиться на твоём аттестате? Ты отличник и должен всем подавать пример.

- Я знаю.

- А эта девочка...

- Аська, - поправляю я.

- Да, Аська. Она втягивает тебя в неприятности.

- Я сам согласился, - говорю я. - Это было моё решение.

- Но идея была её, - папа смотрит на меня так, будто ждёт, что я с ним соглашусь. - И мама говорит, эта девочка только в этом году перевелась в вашу школу. Ты её совсем не знаешь.

- Знаю, пап. Она хорошо учится, у неё одни четвёрки и пятёрки.

- Ты же понимаешь, что дело не в оценках. Хорошистка, которая прогуливает уроки и втягивает в это других это не лучшая компания.

Вот оно. То, чего я боялся.

- Но пап, она моя подруга. И она не втягивала меня. Я сам захотел.

- Сегодня прогул, завтра что? Я не хочу, чтобы ты общался с ней. Я считаю, что тебе стоит... дружить с другими ребятами. Более... подходящими.

Я молчу. Что тут скажешь? Это несправедливо. Так несправедливо, что даже дышать трудно. Но я не буду спорить. Потому что спорить бесполезно. Когда папа принимает решение, его уже не переубедишь.

- Я понял, - говорю я. - Можно я домашку сделаю?

Папа встаёт, смотрит на меня внимательно, будто хочет что-то ещё добавить, но передумывает. Только сухо добав-

ляет:- Конечно. Ужин через полчаса.

Он уходит, а я сижу и смотрю в окно. Там уже темнеет. В соседнем доме загораются окна. В одном из них я вижу силуэт какого-то человека. Он стоит у окна, как и я, и тоже на что-то смотрит. Интересно, ему тоже запретили с кем-то дружить? Я никогда раньше не чувствовал такой обиды на родителей. Бывало, конечно, что они не пускали меня гулять или заставляли делать уроки, когда шёл интересный фильм. Но это... это другое. Они лезут в мою жизнь, в мою дружбу. Как они могут решать, с кем мне дружить? Аська не плохая. И с ней интересно. С ней всё как-то ярче. За ужином я почти не разговариваю. Родители тоже молчат. Мама пару раз пытается завести разговор о школе, но я отвечаю односложно. Мне не хочется притворяться, что всё нормально. Потому что не нормально. После ужина я иду к себе, говорю, что буду делать домашку. Закрываю дверь и достаю телефон. Набираю Аське сообщение:

"Как ты? Сильно попало?"

Она отвечает почти сразу:

"Нет, все нормально. Моей маме некогда придумывать для меня сложные наказания. А ты как?"

Я смотрю на экран и думаю, что ответить. Сказать ей про запрет? Но тогда она, наверное, подумает, что я теперь не буду с ней общаться. А я хочу. Очень хочу. "Тоже ничего страшного. Было весело сегодня!"

Отправляю и чувствую себя странно. Это первый раз, ко-

гда я не говорю родителям, что на них обиделся, и первый раз, когда не рассказываю другу всей правды. Как будто я сразу повзрослел на несколько лет. И это неприятное чувство.

Ночью долго не могу заснуть, все думаю о том, что сегодня произошло. Может быть, я тоже стану таким, когда вырасту? Буду запрещать своему сыну или дочери дружить с кем-то, кто мне не нравится? Нет, я не буду таким. Утром я просыпаюсь с решением. Я не скажу родителям, что обиделся. Не буду с ними спорить или ругаться. Но я не перестану дружить с Аськой. Просто не буду им об этом рассказывать. Это будет мой секрет.

За завтраком папа спрашивает:

- Ты всё понял насчёт вчерашнего?

Я киваю:- Да, пап. Всё понял. И это правда. Я всё понял. Понял, что иногда нужно делать вид, что ты согласен с тем, что говорят взрослые, даже если на самом деле ты думаешь совсем иначе.

После того как родители мне запретили общаться, я сделал вид, что послушался. Просто взял и... Ну, когда делаешь такое лицо... Такое... Ну как будто ты понял, осознал и принял к сведению. Я даже переименовал Аську в телефоне на Вовку, нашего одноклассника. Вовка такой... ну, обычный парень. Ничего особенного. И вот теперь Аська в моём телефоне - Вовка. Мало ли, позвонит мой телефон и родители увидят. А так посмотрят, что Вовка звонит. Ну Вовка и Во-

вка, что тут такого?

Глава 5

С уроков мы с Аськой больше не сбегали, учителя тоже успокоились. Я не потерял свой статус отличника. Это важно было, особенно для моих родителей. А Аська это Аська. Ей вообще всё как-то легко давалось. Она такая... Бывают люди, которые просто открывают учебник, смотрят и уже всё понимают? Вот она такая. Но с учителями спорить она не перестала. Открыто выражала свою точку зрения, причем без злости. Наоборот, она всегда все говорила искренне и от души. Мы с ней сближались ближе и ближе. Вместе сидели в столовой. Она всегда брала йогурт и яблоко. А я свою любимую котлету с пюре. И вот мы сидим, она со своим йогуртом, я со своей котлетой. И говорим. Обо всём. О книгах, о фильмах, о том, как устроен мир. Мои родители иногда спрашивали про неё. Так... как бы невзначай. А как там эта... Настя? А я отвечал, что не общаюсь с ней. И они верили. Это ложь точно была во благо.

Аська всегда еще была как юла. Она как будто всегда в движении. Даже когда сидит за партой, всё равно двигается. То ногой покачивает, то карандаш крутит, то волосы наматывает на палец, то рисует забавные рисунки на полях тетради. А ещё она складывала бумажных журавликов. Из любой бумаги - из тетрадных листов, из обёрток от конфет, даже из чеков из магазина. Сидит на уроке и складывает, пока учи-

тель что-то объясняет. А потом оставляет этих журавликов везде: на подоконниках, на чужих партах, на полках, даже в столовой на столах.

Однажды я нашёл такого журавлика у себя в пенале. Маленького, из обёртки от шоколадки. Не знаю, как она умудрилась подложить его. И на крыле было написано мелко-мелко: "Улыбнись, Тёма". И мне так приятно стало от этого жеста.

Как- то в субботу мама сказала:

- Артем, поехали в торговый центр. Тебе нужна новая куртка. Я не особо хотел, но спорить не стал. Я вообще не любил выходные. Вот серьезно не любил. Это всегда всех удивляло. - Как так? - все одноклассники удивлялись. - Выходные же классно! Делай что хочешь! И вот в этом всё дело. Я не делал что хочу. Я делал что надо.

Каждую субботу у нас была уборка. Мама всегда начинала одинаково: рано утром, гремя ведром и тряпками. И обязательно вздыхала аж с надрывом: "Опять я одна... Всегда одна... Никому ничего не нужно. Только грязь разводите".

И ты слышишь это и понимаешь, что вот сейчас тебя позовут. И точно зовут. И ты идешь вытирать пыль или мыть пол, хотя еще вчера вечером мечтал, как проснешься и пойдешь... ну, куда-нибудь пойдешь. Неважно куда. Просто не на уборку.

А весной и осенью была деревня. Картошка эта... Её нужно было сажать, потом окучивать, потом собирать. И это то-

же нельзя было пропускать. Нельзя. Потому что "как же мы без картошки". Хотя в магазине она была. Вот прямо в соседнем магазине. Но нет, надо свою. И ты едешь, и копаешь, и таскаешь мешки, и слушаешь, как мама с бабушкой обсуждаю как все подорожало и как хорошо, что есть картошка.

А о моих планах... да кому они интересны, эти планы? Какие могут быть у ребенка планы? Уроки вот твои планы.

- А что тебе делать-то еще? - спрашивала мама, когда я пытался заикнуться о какой-нибудь выставке или концерте. Как будто меня растили только для того, чтобы учиться, убираться и копать грядки. Вечером в выходные, бывало, отпускали погулять. На несколько часов. И чтоб в девять был дома! И обязательно родительская фраза:

"Нечего тебе на улице делать, иди лучше книжку почитай или уроки поделай.. "

И я шел. А потом возвращался и смотрел в окно, и думала что, если сейчас, вот прямо сейчас, Аська смотрит на то же самое небо? Только ей не нужно в девять быть дома. И ей никто не говорит про уроки. И она может просто... быть. А я могу только смотреть в окно и ждать понедельника. Странно, правда? Ждать понедельника...

И ведь самое удивительное, что родители тоже никуда не ходили. Вот совсем. Как будто дом - это крепость, из которой нельзя выходить. Папа на диване перед телевизором, мама на кухне. И так день за днем, неделя за неделей. Иногда в гости к тете Вале сходят, маминой подруге, которая живет

в соседнем подъезде. Или дядя Коля придет, папин коллега по работе. Посидят, чай попьют, обсудят цены и политику. А потом опять телевизор и кухня. И так всегда. Я даже не помню, когда они в последний раз были в кино или театре. Как будто весь мир сузился до размеров нашей квартиры и деревни. И они считали это нормальным. И хотели, чтобы я считал так же.

В торговом центре как всегда по выходным было шумно и многолюдно,. Мама затащила меня в магазин верхней одежды и начала снимать с вешалок куртки одну за другой.- Примерь эту... Нет, лучше вот эту... А может, вот эту?

Я послушно примерял, хотя все куртки казались мне одинаково скучными. Чёрные, синие, серые... Аська бы обязательно сказала что-нибудь вроде: "Тёма, это же так банально! Попробуй что-нибудь яркое!" Но Аськи рядом не было, а маму я переубедить не мог. После примерки мама решила зайти ещё в пару магазинов, а потом мы спустились на первый этаж, где располагался фудкорт. И тут я увидел её. Аську. Она стояла у входа в торговый центр и раздавала какие-то листовки. На ней была яркая жёлтая футболка с надписью "Помоги братьям меньшим" и с изображением собаки и кошки.

Я очень удивился. Я бы так не смог. Вот честно никогда. Стоять вот так, на виду у всех, раздавать какие-то листовки... А если охрана подойдёт? А если кто-нибудь начнёт смеяться или кричать? А если кто-то из родителей знакомых увидит и

маме позвонит? Ваш Артём тут листовками какими-то торгует. И всё, потом неделю будут разговоры: зачем ты высовываешься, не позорь семью, зачем ты туда полез? Но больше всего меня мучил вопрос: откуда она вообще их взяла, эти листовки? Кто-то ведь их напечатал. Где-то организовал. И Аська откуда-то про это узнала и пришла. А я даже не представлял, как это всё происходит. Как будто существовал какой-то другой, параллельный мир, где люди что-то делали, что-то меняли, а не просто ходили в школу и убирались по субботам.

Я инстинктивно дёрнулся к Аське, хотел поздороваться, спросить, что она тут делает, но вовремя вспомнил, что я с мамой. А мама думает, будто мы с Аськой больше не общаемся. И я... я сделал вид, что не заметил Аську. Отвернулся, стал смотреть в другую сторону. Но Аська заметила меня. Я видел, как она улыбнулась, как махнула рукой, как сделала шаг в мою сторону. И тут мама тоже её увидела.

- Смотри-ка, - сказала она с неприязнью в голосе, - эта странная девочка из твоего класса. Как её... Настя?

- Где? - я сделал вид, что не понимаю о ком мама говорит.

- Да вот же она, - мама кивнула в сторону Аськи. - Стоит и раздаёт какие-то бумажки. Ненормальная какая-то. Хорошо, что вы больше не общаетесь.

Я молчал, опустив глаза. А моя мама продолжала:

- Мать у нее вроде такая деловая, тогда в кабинете директора в дорогом костюме. Явно работает в какой-нибудь

крупной компании. И вот как такая мать могла воспитать... это? - моя мама кивнула в сторону Аськи. - Странно всё это. Явно семья неблагополучная. Может, мать карьеру строит, а на дочь внимания не обращает. Или отец пьёт. Или вообще развелись и девочка от недостатка внимания в ТЦ стоит и листовки раздает? Все эти её "добрые дела" просто способ привлечь к себе внимание. Вот увидишь, через пару лет либо беременная, либо с какими-нибудь придурками связалась. Эти дети из неблагополучных семей все так заканчивают. Спасибо Богу, что ты перестал с ней дружить.

Аська увидела нас и улыбаясь двинулась в нашу сторону. Я отвернулся. Я запаниковал. Если Аська подойдёт, если заговорит со мной, мама всё поймёт. И тогда... тогда конец. Конец нашей тайной дружбе. А когда вновь повернулся, увидел, что Аська остановилась на полпути к нам. Как её улыбка медленно погасла. Как она поняла, что я... я её не замечаю. Делаю вид, что не знаю. И её глаза... В них было такое разочарование.

Мне стало стыдно. До тошноты стыдно. Я предал Аську. Предал нашу дружбу. Только потому, что боялся, что мама узнает правду. Что мы до сих пор общаемся.

- Пойдём поедим, - сказала мама, направляясь к фудкورتу. Я побрёл за ней, чувствуя, как предательство жжёт меня изнутри. Но что я мог сделать? Если бы Аська подошла мама бы поняла, что я всё это время ей и папе врал. Родители запретили бы нам общаться ещё строже. А так... так у нас

ещё оставался шанс. По крайней мере, я пытался себя в этом убедить. Мы сели за столик, мама заказала нам обед. Я унылоковырялся в своей картошке фри, не чувствуя вкуса.

- Что с тобой? - спросила мама. - Ты какой-то грустный. - Ничего, - ответил я. - Просто устал. Мне захотелось побыть одному. На фудкорте было довольно шумно. Еще мама со своим пристальным взглядом... Я вскочил с места. - Mam, я в туалет, - сказал я и, не дожидаясь ответа, быстро пошёл прочь от столика. В туалете долго стоял, опершись о раковину, и смотрел на своё отражение в зеркале. Кто этот трус, который боится подойти к своему другу? Кто этот предатель, который делает вид, что не знает человека, с которым ещё вчера делился сокровенным? Я не знал, что делать. С одной стороны, мне не хотелось врать маме. С другой я не мог потерять Аську. Она стала... стала важной частью моей жизни. Когда я вернулся к столику, мама спокойно доедала свой салат. - Чего так долго? - спросила она. - Там была очередь, - соврал я.

И снова почувствовал укол стыда. Сколько можно врать? И ради чего? Вечером того же дня я написал Аське.

Артём: "Привет. Ты как?" Аська: "Привет! Нормально." Артём: "Извини, что не подошел к тебе. Просто с мамой поругался, настроение было никакое." Аська: "Поругался? Из-за чего?" Артём: "Да так... Из-за куртки этой дурацкой. Она мне покупает то, что ей нравится, а не мне." Аська: "Понятно. А я подумала, что ты со мной общаться не хо-

чешь."Артём: "Нет! Что ты. Я наоборот... Слушай, а откуда у тебя эти листовки вообще? В смысле, кто их делает? Как ты об этом узнала?"Аська: "А, это! Я в приюту для животных помогаю. Раньше корм покупала на карманные деньги, немного, конечно, но хоть что-то. А мама меня карманных лишила из-за прогула, а я всё равно хотела помогать. Вот и предложила им помочь. Они предложили листовки раздавать."Артём: "А тебе не страшно было стоять там? Ну, в смысле, прямо в центре, на виду у всех?"Аська: "А чего бояться-то? Это же хорошее дело. Животных жалко, их выбрасывают, а они сами себе дом найти не могут. Если мы не поможем, то кто? Некоторые люди даже деньги дают на корм."Артём: "А если охрана?"Аська: "Волонтеры с администрацией ТЦ договорились. Они даже помогают иногда. Менеджер ТЦ сама двух котят взяла в прошлом месяце. А тебе правда интересно? Хочешь в следующий раз с нами? В эту субботу будем в приюте помогать, можно клетки чистить, с собаками гулять."Артём: "Не знаю... Надо подумать."Аська: "Надо подумать - это такой вежливый способ сказать нет?"Артём: "Нет, это способ сказать надо подумать."Аська: "Там такие классные собаки! Есть одна, Найда, она лапу даёт и улыбается так смешно. Слушай, а может, ты всё-таки придёшь в субботу? Хоть на час? С собаками погуляешь!"Артём: "Я правда подумаю."

Вот так всегда у меня. Подумаю. А что тут думать? Надо просто взять и пойти. Но так не получается. Никогда не

получается. Потому что между "хочу" и "сделаю" стоит это дурацкое "а что будет потом". А потом будут вопросы. Где был? И всё, приехали. Потому что врать мне всегда просто. И я так врать стал часто. Да и вообще, приют для животных - это же гарантированная истерика. Мама сразу начнет: "Лишай! Тёма, ты с ума сошел? Там же лишай! И блохи! И вообще зараза!"

Она даже обычных дворовых кошек обходит за три метра. А папа просто не разрешит ехать на другой конец города: "Куда? В какой приют? Нечего там делать. Там свои люди есть". Знаете, это как в детстве, вот так стоишь перед прыжком в воду. Холодную, наверное. Или глубокую. И все вокруг уже прыгнули. И даже те, кто плавать толком не умеет. А ты стоишь. И думаешь. И представляешь, как будешь тонуть, как не сможешь выплыть, как все будут смеяться. И вот ты уже полчаса стоишь, а вода не становится теплее или мельче. И друзья кричат: "Да прыгай уже!! А ты все равно не прыгаешь." Вот и сейчас. Прыгать страшно. Не прыгать стыдно. А главное я же теперь этого приюта не забуду. Буду представлять эту Найдю, которая лапу даёт. И Аську, которая с ней гуляет. Аську, которую лишили карманных денег, но она всё равно нашла способ помогать. Она не сказала: "Ну всё, теперь никак не могу". Она придумала другой путь. Просто взяла и придумала. А я вот сижу и объясняю себе, почему мне нельзя то, что можно всем остальным.

Аська больше не пишет. А мне так хочется ей написать

МНОГО-МНОГО СЛОВ, НО ВОТ КАКИЕ ИМЕННО СЛОВА Я НЕ ПРИДУМАЛ.

Глава 6

Я так и не пошел в приют смотреть Найду. Сначала придумывал варианты, что сказать родителям, но так и не придумал. А потом как-то само собой тема сошла на нет. Аська еще звала несколько раз, а потом уже и больше не напоминала, и я был ей за это благодарен. И снова школа. Школьные будни, перемены и столовая. Привычное и знакомое. Контрольная по алгебре, которую я написал на пятерку. Доклад по истории, над которым корпел три вечера, выискивая информацию в исторических монографиях вместе с Аской. Учителя привычно ставят мне пятерки, а одноклассники привычно просят списать. И рядом Аська. А впереди каникулы. Долгожданные осенние наполненные предвкушением свободы. Я, как обычно, собираюсь провести их за книгами и компьютером. Может быть, сходить погулять с одноклассниками. Ничего особенного. Еще хочется проводить время с Аской. Но я почему-то не представляю как мы будем проводить время на каникулах. Точнее я об этом не думал. За день до начала каникул, на последнем уроке скучной географии, Аська вдруг наклоняется ко мне и шепчет: - Артем, а что ты будешь делать на каникулах?

Пожимаю плечами.

- Ничего особенного. Читать, наверное. А что?

- Приходи ко мне в гости, - говорит она с улыбкой. - В

понедельник. Мама будет на работе. Я буду одна. Поболтаем, посмотрим что-нибудь.

Я краснею. Идти к Аське домой классная идея. Это чего я давно хотел. Увидеть, как она живет, ее комнату. Но если родители узнают...

- Я не знаю... - начинаю я, лихорадочно соображая, что сказать, чтобы не обидеть ее и при этом не раскрыть правду о запрете.

- Да ладно тебе, - она улыбается. - Будешь киснуть дома? Не будь занудой!

- Ладно, уговорила, — киваю я, решаясь. - Восколько?

- Приходи в два? - предлагает она. - Запиши адрес.

Записываю адрес, и меня уже начинает грызть волнение. Как я объясню родителям, куда иду? Придется соврать или может вообще ничего не говорить? Все выходные я то и дело возвращаюсь мыслями к предстоящему визиту. Что если родители как-то узнают? Но желание пойти к Аське сильнее страха.

В понедельник утром мама уходит на работу, строго наказав мне не сидеть долго за компьютером, обязательно почитать и порешать алгебру. Но ровно в два часа дня, как мы договаривались, я стою у Аськиного подъезда, нервно переминаясь с ноги на ногу. Я никогда раньше не был в этом районе. Здесь новые дома, все такие красивые, современные. Совсем не похоже на мою панельную многоэтажку. Я даже немного растерялся, когда подошёл. Стою, смотрю на домофон, он

какой-то модный, пока соображаю на какую кнопку нажать, Аська уже открывает дверь подъезда. Она в домашних штанах и футболке с каким-то мультяшным героем.- Привет! - говорит. - А я тебя внизу жду-жду, а ты всё не идёшь.

- Я только пришёл, - говорю.

- Ну пойдём! - она берёт меня за руку.

И мы поднимаемся на лифте. Седьмой этаж. И тут я вспоминаю как она говорила про ёжика на чердаке и понимаю, что Аська придумала эту историю, чтобы рассмешить меня. Мне кажется это таким милым. Аська открывает дверь и мы входим. Их прихожая больше, чем вся наша квартира! А вообще-то у нас нормальная квартира, не думайте.

- Разувайся и проходи, - говорит Аська как ни в чём не бывало. - Хочешь что-нибудь? Я могу сделать какао или сок есть.

- Сок, - говорю я, потому что в горле почему-то пересохло.

Иду за ней по квартире, и... Это как в фильме каком-то! Всё такое... стильное, что ли? Белые стены, тёмная мебель, картины на стенах. Настоящие картины! Не репродукции, а такие... мазками. И огромное окно в пол, а за ним весь город как на ладони.

- Круто у вас, - говорю я, и сам слышу, как глупо это звучит.

- Да нормально, - пожимает плечами Аська. - Родители любят всякие такие... дизайнерские штуки.

Мы идём на кухню. Там всё блестит. Плита стеклянная,

без конфорок. Просто гладкая поверхность. Холодильник огромный, с дисплеем. Аська достаёт сок, наливает в стаканы.

- Ну что, - говорит, - сначала поедим или сразу ко мне в комнату?

- Давай к тебе, - говорю я.

Потому что мне... мне интересно. Какая она, Аськина комната? И мы идём к ней. Её комната... Она совсем не такая, как остальная квартира. Она... она как Аська! Яркая, немного хаотичная, полная всяких интересных вещей.

Стены у неё жёлтые. Не такие кричащие, а такие... тёплые, как солнце. На стенах приклеены постеры с группами, которых я не знаю. Кровать с разноцветным покрывалом. Стол с компьютером. И фотографии. Много-много фотографий на стенах. Горы, море, какие-то старые города. Я смотрю на них и понимаю, что она везде была. Реально везде. А я дальше области никуда не выезжал. Но самое странное, что она никогда, вот вообще никогда не говорила об этом в школе. Не хвасталась. Не рассказывала, как круто отдохнула там-то и там-то. Она вообще никогда ни о ком плохо не говорила. Все эти девчоночьи штуки: "Посмотри, какая она страшная, ты видел, что она надела?" Вот вообще не про нее.

- Ну вот, - говорит Аська, - располагайся. - У тебя классно, - говорю я, и это звучит искренне. Аська улыбается и включает компьютер. Такой... с прозрачным корпусом, внутри всё светится разными цветами. - Я тебе сейчас кое-что постав-

лю послушать. И она включает музыку. Я такого никогда не слышал. Это... это как будто внутри тебя что-то открывается. Музыка нереальная какая-то. - Это кто? - спрашиваю я. - Исландская группа, - говорит Аська. - Они поют на своём языке, но музыка... Она же не нуждается в переводе, правда? - Правда, - говорю я. И это действительно правда. Аська ставит музыку на паузу и дает мне свои наушники. Крутые какие-то. - А так попробуй, - говорит Аська. Я надеваю наушники. Это совсем другое дело! Каждый звук, каждая нота, они как будто внутри моей головы. И я закрываю глаза, и просто... просто слушаю.

А потом она включает видеоклип. Про девушку, которая идёт по городу, и постепенно всё вокруг неё начинает меняться. Деревья становятся выше, дома ярче, люди добрее. И в конце оказывается, что это не мир изменился, а она сама. Она просто... просто стала видеть его по-другому. - Круто, - говорю я, когда клип заканчивается. - Это... это прямо про меня. - В каком смысле? - спрашивает Аська. - Ну... - я немного смущаюсь. - В том смысле, что... мне кажется для меня мир стал другим, когда я с тобой познакомился. - Правда? - Аська смотрит на меня так... ну, знаете, когда человек смотрит, и ты понимаешь, что для него это важно? Вот так. - Правда, - говорю я. - Ты... ты показываешь мне всякие вещи, о которых я даже не думал. Музыку эту, например. Или... ну, всякое. Аська улыбается. И мне кажется, что она немного... смущается, но ей приятно? - А я ещё игру классную нашла,

- говорит она. - Хочешь, покажу? И она показывает. Это не стрелялка, как я думал. Это... это как будто ты сам создаёшь мир. Строишь дома, сажаешь деревья, прокладываешь дороги. И всё это с какой-то идеей. Чтобы людям в этом мире было хорошо. Чтобы они были счастливы. Мы играем несколько часов. По очереди. Аська придумывает, я воплощаю. Или наоборот. И это... это здорово. Потому что когда вы с кем-то вместе что-то создаёте? И у вас получается? Это... это особенное чувство. А потом мы идём на кухню, и Аська делает бутерброды. С авокадо и какими-то семечками. Я сначала думаю: "Фу, что это?"

- А у тебя нет обычной еды? - спрашиваю . - Сосисок там, или колбасы? - Есть, - смеётся Аська. - Но это неинтересно. Это все едят. А ты попробуй что-нибудь новое. И я пробую и это вкусно! Странно, но вкусно. И мне нравится. Не всё, конечно. Какая-то фиолетовая штука оказывается совсем невкусной. Но всё равно... это интересно. Пробовать новое.

Мы сидим и говорим. О компьютерных играх. О сериалах. О школе. О том, какой странный наш историк. О том, почему физику так сложно понять. О музыке. О книгах. О всем на свете. Аська рассказывает о своих родителях: мама у нее бизнесвумен, папа инженер, постоянно в командировках. И я вдруг понимаю, почему она позвала меня. Ей просто... одиноко? Но это не похоже на одиночество. Она не выглядит одинокой. Она выглядит... свободной. Как будто ей

комфортно с самой собой. Потом завариваем чай и никак не можем наговориться. Она рассказывает забавные ситуации со своей жизни. Мне нечего особо ей рассказать. Но, почему я рассказываю ей о своем детстве, о своих родителях. И она слушает. Действительно слушает. Не делает вид, а реально интересуется. Задает вопросы. Смеется, когда я рассказываю что-то смешное. И это так странно. Обычно я избегаю новых ситуаций. Новых людей. Мне комфортно в своей зоне. Но с Аськой всё по-другому. С ней я не чувствую этого напряжения, которое бывает с новыми людьми. Как будто мы знакомы всю жизнь. Я не знаю, сколько времени прошло. Может, час, может, три. За окном темнеет, я понимаю, мне пора домой.

- Мне пора, - говорю я. - Да, конечно, - она кивает. - Я провожу тебя. Мы идем к двери. Я обуваюсь. Она стоит рядом. И вдруг говорит: - Приходи еще. Если хочешь. И я понимаю, что хочу. Очень хочу. Не потому, что у нее крутая квартира или дорогой компьютер. А потому, что с ней... хорошо. Просто хорошо. Как будто мы давно знакомы. Как будто мы всегда дружили. - Приду, - говорю уверенно. И это не просто вежливость. Я действительно приду.

Потому что... потому что я уже чувствую, что между нами что-то есть. Какая-то связь. Не романтическая, нет. Просто... дружба? Да, наверное, это можно назвать дружбой. Хотя это слово кажется каким-то простым для того, что я чувствую. На следующий день я просыпаюсь и первым делом ду-

маю об Аське. О нашем разговоре. О том, как она смеялась над моими шутками. И я понимаю, что хочу увидеть ее снова. Прямо сейчас. Поговорить. Рассказать что-нибудь. Просто... быть рядом. Я беру телефон и пишу ей. Просто "Привет." И она отвечает почти сразу: "Привет! Как дела?" И мы начинаем переписываться. О всякой ерунде. О том, что я видел забавное видео с котами. О том, что она нашла новую музыку, которая мне наверняка понравится. О том, что на улице идет дождь, и это здорово просто сидеть дома с чашкой чая. И я чувствую, что между нами что-то происходит. Что-то важное. Мы встречаемся на следующий день. Просто так. Без повода. Гуляем по парку. Говорим. Смеемся. И я чувствую себя... по-другому. Как будто я стал частью чего-то большего. Как будто я больше не один. И это новое чувство мне незнакомое. Но очень хорошее. Как будто в моей жизни появилась какая-то константа. Что-то постоянное, надежное. Что-то, на что можно опереться. Я никогда не думал, что дружба может быть такой... глубокой? Да, именно это слово. Глубокой. Как будто между нами протянулись какие-то невидимые нити. Множество нитей. И с каждым разговором, с каждой встречей их становится все больше. Они переплетаются, создают узор. Узор нашей дружбы. И я знаю, что эти нити уже не порвать. Они слишком прочные. Они проросли глубоко. Так глубоко, что я уже не могу представить свою жизнь без Аськи. Без ее смеха. Без ее взгляда. Без ее способности видеть мир иначе, чем все остальные.

Глава 7

Как-то странно всё это. Утром встаю, завтракаю... ну, завтрак как завтрак. Хлопья, молоко, иногда бутерброд. И вот сижу я, жую эти хлопья, а они такие... хрустящие. И думаю про Аську. Мы с ней теперь прямо дружим. Ну, по-настоящему. Теперь мы... ну... друзья. Настоящие. Она столько мне рассказывает интересных вещей: музыки, фильмов, интересных историй. Аська очень классный человек, она как сестра! У нас даже свои приколы появились. Например, когда математичка начинает объяснять что-то совсем непонятное, Аська незаметно рисует на полях тетради маленького человечка, который держится за голову. А я потом добавляю ему пузырь со словами: Мозг кипит. И математичка ничего не замечает, а мы еле сдерживаемся, чтобы не рассмеяться. И вот перед зимними каникулами на перемене Аська говорит мне:- Слушай, Тёмыч, я на Новый год уезжаю.- Куда?- На море, .- говорит.- На море? Зимой?- Ага, - говорит, - в Египет. И я стою в школьном коридоре, у окна, за которым минус пятнадцать и снег, и пытаюсь представить, как это поехать на море зимой. У меня в голове как будто не складывается. Как это вообще? Вот у нас Новый год: ёлка, снег, салат оливье, "Ирония судьбы" по телевизору. А у неё будет море, песок и какие-то пальмы. Я вообще никогда не был на море. Даже летом. У нас семья... ну, не то чтобы бедная. Просто

родители всегда говорят, что есть дела поважнее. Папа считает, что лучше купить что-то в дом, чем тратить деньги на какие-то там поездки. А мама... мама, наверное, хотела бы поехать куда-нибудь, но никогда об этом не говорит.

- И ты что, прямо на сам Новый год там будешь? - спрашиваю у Аськи.

-Ага, - кивает она. - 31-го будем на пляжной вечеринке. Представляешь? Вместо снега будет песок, вместо пуховика будет купальник.

А я стою и не представляю. Вообще. У меня в голове какая-то каша. Песок, купальник, 31 декабря... это как вообще?

Перед отъездом Аська дает мне свой профиль в соцсетях и говорит, что будет выкладывать фотки. У меня раньше не было соцсетей. Мама считает, что соцсети - это зло и пустая трата времени. Но ради Аськиных фоток я тайком установил приложение на телефон.

И вот сижу я 30 декабря в своей комнате, делать особо нечего, и листаю ленту. А там Аська. На фоне моря. С мокрыми волосами. И улыбается так... счастливо.Сижу, смотрю на эту фотку, а за окном метель. У нас в квартире батареи еле теплые, я в толстовке и носках шерстяных. А она там... в купальнике. И подпись: Вода +24! Рай!И мне как-то странно становится. Вроде радостно за неё, вот человек отдыхает, веселится. А с другой стороны... обидно, что ли? Не то чтобы я завидовал. Просто... ну, хотелось бы тоже когда-ни-

будь оказаться в таком месте, где вода +24, и море, и пальмы. Утром 31-го декабря я просыпаюсь от маминого крика из кухни:- Артём! Вставай! Поможешь мне с салатами! И в магазин нужно сходить!

У нас всегда так перед Новым годом. Мама с утра начинает готовить, папа убирает квартиру, а я... ну, я на подхвате. То картошку почисти, то в магазин сбегай за майонезом, который внезапно закончился. Беру телефон, открываю соц-сети. У Аськи новая фотография. Она в каком-то ресторане, вся такая нарядная, в платье, с блестками на лице. Рядом ее родители, тоже улыбаются.

Отец у нее красивый, я его никогда не видел. И снова море на заднем плане. Подпись: "Готовимся к новогодней вечеринке! Будем встречать Новый год на пляже!" А мне хочется ей написать: "А мы будем встречать Новый год на кухне нашей квартиры, с оливье и шампанским, которое мне наливают полбокала, чтоб чисто символически". Но не пишу, конечно. Просто ставлю лайк и иду чистить картошку. К вечеру Аська выкладывает новое фото. Она на пляже, с бенгальским огнём в руке. Корчит смешную рожицу: высовывает язык и щурит глаза. И подпись: "До Нового года несколько часов, а у нас уже вечеринка в разгаре!"

Я смотрю на часы, нам еще долго ждать. Она там уже празднует, а у нас ещё даже стол не накрыт. Мама гоняет меня по квартире: то принеси-подай, то помоги ей гирлянду на ёлку повесить.

А у меня в голове постоянно крутится: "Интересно, а какое оно, море зимой?" И так хочется показать маме Аськины фотки. Сказать: "Смотри, мам, люди на Новый год вот так могут. Не с оливье и Голубым огоньком, а с морем и пальмами". Или просто показать им фото, поделится эмоциями. Но нельзя. Как-то после очередного родительского собрания, мама пришла и сказала: "Чтобы я не даже не слышала имя твоей Аси. Мама ее на собрании устроила целый концерт". Что именно устроила мама Аськи я не знаю, а у Аськи как-то и неловко спрашивать. А потом я и забыл.

Но как объяснить родителям, что Аська это... ну, это Аська. Она яркая, как фейерверк. Рядом с ней мир становится интереснее. Она умеет находить приключения даже в самых обычных вещах. Даже школьная столовая с ней кажется каким-то особенным местом, потому что она придумывает истории про каждое блюдо.- Смотри,- говорит, - эта котлета похожа на лицо директора, когда она узнала, что 8Б всем классом прогулял физру.

Вечером мы, как обычно, садимся за стол. Мама в новом платье, которое больше никуда не оденет, папа в рубашке, которую надевает раз в год на Новый год. Я в обычном худи и джинсах, потому что мне всё равно. По телевизору президент что-то говорит, но его никто не слушает. Папа разливает шампанское. Мне полбокала, себе и маме полные. Мама суетится с салатами: надо же всё на стол поставить до боя курантов. А я украдкой достаю телефон и смотрю Аськину

новую публикацию. Она на пляже, вокруг толпа людей, все в белой одежде. Фейерверки в небе. И подпись: "С Новым годом! Ураааа!" И мне так хочется показать это родителям. Но нельзя. Поэтому просто сижу, жую оливье и смотрю в телевизор, где начинается бой курантов. Мама говорит: - Загадывай желание, Артёмка! И я закрываю глаза. И загадываю, что в следующем году мы с мамой и папой поедem на море. Летом. Или зимой. Неважно. Главное, увидеть море. Первого января я просыпаюсь ближе к обеду. В квартире тихо, родители тоже спят после ночного застолья. Беру телефон, открываю соцсети. У Аськи новое видео: она прыгает с какой-то вышки в море. Прямо в одежде. И кричит что-то, но не разобрать, все ветер заглушает. Пишу ей: "С Новым годом! Выглядит круто!"

Она отвечает почти сразу: "И тебя! Как там у вас, холодно?" - Минус двадцать, - пишу я. - Бррр, отвечает она. - А у нас почти +30. Я уже сгорела немного. И присылает фото: её нос и щёки покраснели от солнца. И на этом фото она такая... красивая. Не позирует, не строит рожицы. Просто улыбается. - Знаешь, Тема, мне сейчас хочется настоящего Нового года. Со снегом, ёлкой во дворе, ледяной горкой, - пишет она. - Серьёзно? - удивляюсь я. - Зачем, когда у тебя там море и жара? - Не знаю, - отвечает. - Вот захотелось того, чего нет. Наверное, поэтому тебе хочется на море, а мне в снег. И я смотрю на её сообщение, и думаю, что она права. Мы всегда хотим чего-то другого. Того, что кажется недоступным.

Я хочу на море, она хочет в снег. Папа хочет новую машину, мама хочет, чтобы у неё было больше свободного времени. И как-то от этой мысли становится легче. Может, дело не в море. Может, дело просто в том, чтобы иногда выбираться из привычной рутины. Делать что-то новое. Видеть новые места.

После каникул Аська приходит в школу загорелая. Теперь ее рыжие волосы выглядят еще ярче! И все вокруг ахают, трогают её за руки, надо же, загар посреди зимы! Перед уроком она достаёт из рюкзака маленький красивый пакетик и протягивает мне. - Это тебе, - говорит. - С моря. С Новым годом! Я открываю пакетик, а там... ракушки, брелок и магнитик. Все такое яркое, разноцветное. - Это настоящие морские ракушки, - говорит Аська. - Я специально для тебя набрала. Сама ныряла за ними. Я держу этот пакетик, и у меня внутри что-то такое... теплое разливается. Потому что она помнила обо мне там, на море. Думала обо мне, собирая эти ракушки. - Спасибо, - говорю. - Это... круто. Мне очень приятно. И она улыбается. И солнечные лучи падают на её лицо через окно, и веснушки, появившиеся от загара, как будто светятся. И я думаю, что, может быть, даже хорошо, что я не поехал на море. Потому что тогда я бы не получил эти ракушки. И не увидел бы, как Аська улыбается, даря их мне. Вечером я прячу пакетик с ракушками в ящик стола. Это мой маленький секрет. Кусочек моря, которое я никогда не видел, но которое теперь как будто стало чуточку ближе. И я думаю,

что, возможно, когда-нибудь покажу родителям эти ракушки. И, может быть, мы все вместе поедem на море. Летом или зимой неважно. А пока... пока я просто достаю телефон и пишу Аське:" А давай завтра после школы в парк? Там новую горку залили, огромную. Можно на пакетах с неё кататься"." Давай!" - отвечает она. Потому что иногда надо просто делать то, что хочется. Даже если родители против. Даже если страшно. Даже если непривычно. Потому что жизнь она разная. Как море и снег. Как Новый год на пляже и в квартире с оливье. И надо пробовать всё. Чтобы потом не жалеть о том, чего не сделал.

И я закрываю глаза и представляю море. Такое, как на Аськиных фотографиях. Бескрайнее, синее. И обещаю себе, что однажды увижу его своими глазами. Обязательно.

Глава 8

А этот день останется навсегда в моей памяти особенным...

У нашей одноклассницы Марины был день рождения. Ее родители разрешили устроить вечеринку, прям настоящую, без взрослых. Собралось человек пятнадцать, весь наш класс почти. И кто-то, кажется, Серега, притащил алкоголь. Водку, разбавленную соком. Мерзость жуткая, но нам тогда казалось, что мы такие взрослые, такие крутые. И Аська пила наравне со всеми. А потом кто-то предложил играть в бутылочку. И Аське выпало целоваться с Витькой. А она отказалась. - Не хочу, - говорит. - Не буду. А все уже пьяненькие, разошлись:

- Ты чего, правила такие! Должна!

И Витька тянется к ней, а Аська вдруг как закричит:

- Не трогай меня! Не смей! И выбегает из комнаты. Я иду за ней. Нахожу в ванной. Она сидит на краю ванны, трясётся вся.

- Аська, - говорю, - ты чего? Это же просто игра. А она поднимает на меня глаза и говорит:

- Тёма, я не хочу, чтобы мой первый поцелуй был... был вот так. По правилам какой-то дурацкой игры. С человеком, которого я даже не... не... И замолкает. А потом говорит совсем тихо: - Я хочу, чтобы это было... особенным. И вот то-

гда я вдруг понял, что под всей этой своей бесшабашностью Аська прячет что-то... что-то очень нежное, очень хрупкое. Что-то, что она бережёт. Для кого-то особенного.

И вижу, как по ее щеке слеза катится. Я никогда не видел Аську такой... такой уязвимой. Обычно она смеется громче всех, всегда смелая такая. А тут сидит, маленькая такая. - Аська, - говорю я и сажусь рядом. Она плечом дергает, но не отодвигается. Мы сидим так, плечом к плечу, и я чувствую как мелко дрожит ее тело. И почему-то становится страшно.

И вдруг понимаю, что меня трясет тоже. И сам не знаю, почему наклоняюсь к ней. И целую. Просто так. Без всяких там правил. Это длится секунду. Может, две. А потом я отстраняюсь и вижу ее глаза. Огромные. Удивленные. И в них что-то такое... непонятное.

- Вот, - говорю глупость, - теперь особенное. А потом мы молчим. Долго-долго. И в этой тишине я вдруг понимаю, что натворил что-то... что-то необратимое. Как будто песочные часы перевернул. И песок уже сыплется в другую сторону. И остановить нельзя. - Тёма, - говорит наконец Аська. И голос у нее какой-то новый. - Ты чего? А я не знаю, что ответить. Потому что сам не понимаю чего. И страшно становится. Что сейчас все рухнет. Вся наша дружба. Все.

И я выпаливаю: - Прости. Я не... Давай просто... просто забудем, ладно?

Аська смотрит на меня долго-долго. Потом кивает.

- Ладно, - говорит. - Забудем. И улыбается. Но как-то не

так. И я понимаю, что она не забудет. И я не забуду. Но мы будем делать вид. Потому что иначе страшно.- Пошли к остальным? - предлагает она.

И мы возвращаемся. И Аська садится от меня подальше. Уже никто не заставляет ее целоваться, уже и в бутылочку никто не играет. Кто-то говорит шутку и Аська смеется слишком громко. И я тоже. И все вроде как раньше. Но не совсем. И я знаю, что завтра мы встретимся, будем обсуждать все на свете и все будет нормально. Почти. Но иногда, ловя ее взгляд, я буду вспоминать эти две секунды в ванной. И по спине будет пробегать холодок. И мне будет казаться, что я стою на краю обрыва. И хочется шагнуть вперед. Но... страшно. Очень страшно. Потому что это ведь Аська. Моя Аська. Которая всегда была просто... просто Аськой.

Глава 9

Февраль. Четырнадцатое. Школа в это время просто сходит с ума. Девочки хихикают по углам, мальчики делают вид, что им всё это "по барабану", а на самом деле каждый втайне надеется получить эту глупую бумажку с сердечком. На алгебре скучно, рисую в тетради какую-то ерунду. Учительница что-то рассказывает, а за окном падает мокрый снег. Такой липкий, противный. Не зима и не весна. И вообще, февраль - это месяц, который придумали, чтобы все окончательно поняли, как они устали от зимы. И вообще, 14 февраля странный день такой, когда все вокруг как будто сговорились делать вид, что любовь - это вот эти вот красные сердечки, открытки и конфеты в форме сердец. И все ходят какие-то... типа особенные. Как будто вчера были обычные, а сегодня вдруг - раз! - и у всех любовь. Ерунда какая-то! На перемене ко мне подходит одноклассница Наташа:

- Артем, будешь печенье? - и протягивает коробку.

Смотрю на эти печенья. Они розовые. Розовые! С какими-то блестками. Я не очень понимаю, как можно есть блестки, но все берут и едят, и говорят: "Ммм, как вкусно!" - Спасибо, Наташ, - говорю и беру одно печенье.

Аськи сегодня не было на первом уроке. Сегодня с утра написала, что у неё какие-то дела. Иду на следующий урок. Я сажусь за нашу с Аськой парту. Её место пусто, и это по-

чему-то раздражает. Достаяю телефон и пишу ей сообщение: "Ты где? Скоро к химии опоздаешь". Она не отвечает. Это на неё не похоже. Обычно Аська отвечает мгновенно, даже если занята. Начинается урок. Учитель что-то рассказывает про электрические заряды, а я думаю об Аське. Дверь открывается, и она проскальзывает в класс. Волосы собраны в высокий хвост, красиво уложены. И рубашка новая, с каким-то узором. А на шее - тонкий шнурок с подвеской-сердечком. Раньше я её с такой не видел. - Извините за опоздание, - бормочет она учителю и быстро идёт к нашей парте. - Где ты была? - шепчу я, когда она садится рядом. - Потом, - так же шёпотом отвечает она и достаёт учебник.

Вдруг дверь открывается, и в класс заходит наша старшеклассница, та, что из школьного актива, вся такая серьёзная, с бейджиком и папкой. Учитель замолкает на полуслове. Все тут же оживляются, как будто им включили в розетку новую батарейку. Старшеклассница говорит: - Извините за беспокойство. У нас акция ко Дню святого Валентина. Почта купидона. И тут весь класс начинает гудеть, как улей. Девчонки кривляются, мальчишки переглядываются. Кто-то бурчит: "Детский сад". А кто-то, наоборот, подтягивается, выпрямляет спину. Интересно же, кому достанется валентинка. Старшеклассница вытаскивает из папки несколько розовых конвертов.

- Маша Соколова... Вика Зорина... Артём Климов

Я удивлённо поднимаю голову, услышав своё имя. Мне?

Валентинка? Это какая-то ошибка.

- Тёме валентинка! - кричит кто-то с задней парты.

Не двигаюсь. Сажу и как дурак, и смотрю на эту старшеклассницу, которая терпеливо держит в руках розовый конверт с моим именем. - Климов, это тебе, - учитель смотрит на меня поверх очков с такой смесью раздражения и любопытства. - Подойди, возьми. Встаю. Ноги как будто не мои. Иду за конвертом, чувствуя, как все взгляды класса буравят мне спину. Беру этот дурацкий конверт. Он ещё и надушен чем-то сладким. Фу. - Спасибо, - бурчу я и быстро возвращаюсь на место. - Ну, открывай, - шепчет Серый с соседней парты. - Кто там в тебя втюрился? - Отстань, - бурчу я, запихивая конверт в рюкзак. - После урока покажешь, - не унимается Серый. Аська сидит тихо-тихо, как будто её вообще нет рядом. - Эй, ты чего? - толкаю её легонько локтем. - А? - она вздрагивает. - Ничего. Задачу решаю. Странная она сегодня какая-то.

Звенит звонок. Мы выходим в коридор, и меня тут же окружают одноклассники. - Ну что, показывай! - Серый толкает меня в плечо. - От кого валентинка? - Да не знаю ещё, - отмахиваюсь я.

- Так открывай давай! - не унимается он.

Вздыхаю и вскрываю конверт. Внутри картонное сердечко, обсыпанное красными блёстками. И стишок, напечатанный: "Ты не знаешь, я скучаю, Каждый день тебя встречаю, Но сказать тебе боюсь, Что давно в тебя влюблюсь."

- Что за хрень? - я перечитываю эти строки. - Даже рифмы нормальной нет.

Влюблюсь, серьёзно? Пацаны начинают ржать. Аська стоит чуть поодаль, делая вид, что проверяет что-то в телефоне. - Покажи подпись, - требует Серый. Переворачиваю валентинку. Внизу мелким почерком написано: "От незнакомки".

- Ох, таинственная незнакомка! - гогочет Серый. И тут все взгляды почему-то устремляются на Аську.

- Настя! - кричит Вика.

- Это же ты валентинку Климову прислала? Аська резко поднимает голову, её щёки вспыхивают. - Чего? Нет! С чего ты взяла?

- Вы же с Тёмой за одной партой сидите, - продолжает гоготать Серый/

- И что? - огрызается Аська.

- Да ладно, Аська, признавайся, - Вика подходит ближе.

- Это твоя валентинка! - Ничего подобного! - Аська хватается валентинку и рассматривает. - И вообще, я бы лучше сочинила!

- Ага, значит, признаёшься, что сочиняла бы Тёме валентинку? - не унимается Вика.

- Я не это имела в виду! - Аська почти кричит, её лицо теперь совсем красное.

- Да хватит уже, - вмешиваюсь я. - Мы с Аской просто друзья. Это не от неё валентинка.

- Тёма и Настя сидят на дереве, Ц-Е-Л-У-Ю-Т-С-Я! - начинает петь Серый, и остальные подхватывают.

- Придурки, - Аська разворачивается и быстро уходит в сторону женского туалета.

- Вы чего докопались? - я забираю валентинку у Вики. - Мы с Аськой просто дружим. Это бред какой-то.

- Да ладно тебе, - ухмыляется Серый. - Все знают, что она в тебя втрескалась.

- Чушь, - отрезаю я, но внутри что-то странно ёкает.- У нас урок через две минуты, пошли.

На уроке Аська сидит молча, старательно переписывая в тетрадь с доски информацию. Я пытаюсь сосредоточиться, но мысли постоянно возвращаются к этой дурацкой валентинке. Аська? Нет, не может быть. Мы же просто друзья. Хотя... в глубине души что-то дрожит как струна при мысли, что это могла быть она. Но я тут же прогоняю эту мысль. Мы с Аськой как брат и сестра. Разве не так? Но почему тогда я всё время думаю об этом? После урока я решаюсь спросить:

- Слушай, это ведь не ты прислала мне валентинку?

Аська резко поворачивается ко мне.

- Нет! Сколько можно? Я уже сказала, что нет.

- Да я просто спросил, - я поднимаю руки в защитном жесте. - А то эти придурки достали уже.

- Меня тоже, - вздыхает она. - Всю перемену Вика допрашивала. - Но почему они решили, что это от тебя? - Да потому что мы с тобой за одной партой, - передразнивает она. -

Логика, блин.

- Да уж, - я усмехаюсь. - А сам-то я не догадался.

- Тебе бы понравилось? - вдруг спрашивает она, глядя мне прямо в глаза. Замираю. Сердце почему-то начинает колотиться как бешеное.

- Что? - Если бы валентинка была от меня, - поясняет она.

- Тебе бы понравилось?

- Я... не знаю, - честно отвечаю я. - А она правда от тебя?

Аська секунду смотрит на меня, потом фыркает:

- Нет, конечно! Я просто спросила. Гипотетически. - А, - чувствую странное разочарование.

- Нет, ну... это было бы странно, наверное. Мы же друзья.

- Вот и я о том же, - кивает она. - Друзья. Просто пацаны идиоты.

На большой перемене мы сидим в столовой, и, конечно, шуточки не прекращаются.

- Тёма, - подсаживается к нам Лёха, - как думаешь, кто тебе валентинку прислал?

- Да не знаю я, - устало отвечаю. - И не особо интересно.

- А ты, Аська, что думаешь? Кто мог написать эту валентинку? Аська пожимает плечами.

- Понятия не имею, - говорит она безразлично. - Может, Светка из параллели? Она вроде на него запала. Она на физкультуре всегда смотрит на Тему.

- Да ладно тебе, - не унимается он. - Аська, признавайся, это ведь ты?

- Нет! - в десятый раз за день отрицает Аська. - Это не я.

- А почему бы тебе не признаться? - ухмыляется Лёха. - Стыдно, что такой стишок корявый получился?

- Отвали, - огрызается Аська. - Я тебе сказала, что это не я.

- Да хватит уже, - вмешиваюсь я. - Достали со своими шуточками.

- Ой, Тёма за Настю заступается, - ржет Лёха. - Аська, твой рыцарь тебя защищает!

- Придурок, - Аська встаёт из-за стола. Смотрю, как она уходит, и почему-то чувствую себя паршиво.

- Слушай, а сам-то ты хотел бы, чтобы это была она? - вдруг спрашивает Лёха, когда Аська уходит.

- В смысле? - Ну, тебе нравится Аська?

- Нет! То есть... как друг, конечно, нравится. Мы дружим.

- Ага, конечно, - Лёха ухмыляется. - А сам-то почему валентинку ей не отправил?

- Зачем? - я искренне удивляюсь. - Это же глупости всё. Детский сад какой-то. Учиться надо, а не валентинки рассылать.

- Ну-ну, - кивает Лёха с таким видом, будто знает что-то, чего не знаю я.

После уроков я вижу, как Аська быстро собирает рюкзак.

- Может прогуляемся? - спрашиваю я.

- Я занята... пока, - бросает она и почти выбегает из класса.

- Аська, стой, минуту, - догоняю ее в коридоре.

- Слушай, не обращай внимания на придурков, - наконец говорю я. - Они просто дебилы.

- Да ладно, забей, - она пожимает плечами. - Всё нормально. Но я вижу, что не нормально.

- А сама-то ты кому-нибудь валентинку прислала? — вдруг спрашиваю я. Аська вздрагивает.

- Нет. А зачем?

- Ну, мало ли, - я пожимаю плечами. - Вдруг тебе кто-то нравится.

- Нет, - она качает головой. - Это же глупости всё, как ты сказал. Учиться надо. Значит она слышала, что я сказал в столовой.

Аська молчит какое-то время, потом спрашивает:

- А ты сам никому не прислал валентинку?

Я удивляюсь вопросу.

- А кому я должен был прислать?

- Ну, - она отводит глаза, - может, тебе кто-то нравится?

- Да нет вроде, - я задумываюсь.

- А тебе?

- Что?

- Тебе кто-нибудь нравится?

Аська долго смотрит мне в глаза, вздыхает и говорит:

- Тем, мне правда пора, до завтра.

И быстро уходит оставляя мой вопрос без ответа. Вечером я сижу над уроками, но никак не могу сосредоточиться. достаю из рюкзака эту дурацкую валентинку и смотрю на неё. А

что, если это всё-таки Аська? И что, если... что, если мне бы этого хотелось? Я вспоминаю, как она сегодня краснела, когда все начали дразнить её, как она убегала в туалет, как странно смотрела на меня, когда спрашивала, не злился бы я, если бы валентинка была от неё. Что, если она действительно хотела признаться, а я всё испортил? Что, если Аська и правда... нет, не может быть. Мы друзья. Просто друзья. И это правильно. Наверное. Я запикиваю валентинку обратно в рюкзак. Надо садиться за уроки. Впереди контрольная по алгебре, и Аська наверняка скоро напишет, скинет что-нибудь интересное или спросит как я решил задачу. Всё как обычно. Как всегда. И всё же... Я всю ночь не могу заснуть, думая о дурацком розовом сердечке. И почему-то мне всё больше хочется, чтобы это была Аська. Но мы друзья. Просто друзья. Тогда почему так трудно дышать, когда я думаю, что это может быть не так? Утром достаю из рюкзака валентинку и прячу в своем шкафу.

После дня Святого Валентина... мы с Аской... мы продолжали дружить. Ну, то есть... мы сидели за одной партой как и раньше. Говорили. Разговаривали. Обо всём. Обо всём на свете! И с уроками помогали друг другу. Как обычно. Но знаете, что-то... что-то изменилось. Вот есть такое чувство, когда... вот вроде всё как прежде, но... не так. Совсем не так! Будто между нами появилась какая-то... стена. Тонкая такая. Её не видно почти. Но она есть! Непроницаемая. И вот... мы стоим по разные стороны этой стены. И самое интересное,

что... мы оба, и я, и Аська... мы как будто боялись. Боялись что-то лишнее сказать друг другу, что-то спросить...И я так и не узнал, от кого была та Валентинка. Аська... она тоже эту тему... ну, не поднимала. Но я заметил, что она стала... стала как-то по-другому на меня смотреть. Или это я на неё стал по-другому смотреть? Не поймёшь...Я не стал в себе копать-ся, да и времени не было...

Мое время вообще уходило на подготовку к олимпиаде по математике. Аська поддерживала как могла.

Олимпиада прошла и я узнал, что поступил в физико-математический лицей. Без экзаменов, потому что занял 1ое место. Это была такая... такая неожиданность. И такая возможность. Ведь из этого лицея почти все поступали в самые престижные вузы, почти все потом делали крутую карьеру. И когда мне сообщили результаты олимпиады и сказали, что меня берут в лицей, я не мог поверить своему счастью.Родители... ну что родители. Они были счастливы. Вот прям так счастливы, как только родители и могут быть. Мама плакала. Папа делал вид, что не плачет, но у него глаза были такие... красные. И все звонили бабушке, крестной тёткеВ день оглашения результатов я позвонил маме и она даже отпросилась с работы пораньше. А потом был торт. Мама купила торт, такой с белым кремом и вишнями, который я любил в детстве, хотя сейчас уже как-то... ну не то чтобы не любил, просто... И вот мы сидели, ели этот торт, и все были такие... счастливые. И я тоже был счастливый, конечно.Но зачем было всем рас-

сказывать? Нет, я понимаю... Но мама просто превратила это в новость дня. Звонила всем. Всем! Даже тем, кого я не знал. "А вот у нас Тёма в физмат поступил". И соседям рассказала, и в магазине, и на почте. И мне было как-то... неловко, что ли. Ведь это просто лицей, ну поступил и поступил. Хотя нет, не просто. Но все эти поздравления... я не знал, как себя вести. А еще этот червячок... Вот сидел внутри и грыз. Аська... Мы же друзья. И вот теперь... Как это просто взять и уйти? В другую школу, к другим людям. А она останется тут. И будет ходить в нашу старую школу одна. Или, может, найдет новых друзей... От этой мысли становилось совсем тоскливо. Аська знала про первое место, но при лицей не знал никто. Представлял, как ей говорю: Слушай, меня в лицей берут. А она... что она скажет? Обрадуется за меня? Конечно. Она хороший друг. Но внутри... внутри у нее, наверное, будет... Я не знаю. Я просто не хотел с ней расставаться. И это все портило. Этот дурацкий физмат и эта радость, они были какие-то неправильные из-за этого.

Я решил сразу позвонить Аське и все рассказать.

- Аська, - кричу в трубку, - я поступил! Меня взяли в лицей по результатам олимпиады!

И слышу в ответ её голос, он такой... тихий, странный.

- Это же здорово, Тёма. Поздравляю.

И я вдруг понимаю, что она не рада. Что она думает о том же, о чём думаю я: теперь мы будем видеться гораздо реже.

- Аська, - пытаюсь ее успокоить, - ну ты чего? Это же не

конец света! Мы всё равно будем общаться! Гулять, созваниваться!

- Конечно, - отвечает она. - Конечно, Тёма.

Слышу в её голосе что-то... что-то, что заставляет меня сжать трубку крепче. Что-то, от чего хочется всё бросить и бежать к ней. Обнять, сказать, что ничего не изменится, что мы всегда будем вместе.

Но вместо этого я говорю:

- Слушай, а ты же тоже могла бы поступить! У тебя же по физике пятёрка! И по математике нормально! Мы бы вместе учились!

Она смеётся, уже по-аськиному:

- Тёма, ты с ума сошёл? Я? В физико-математический лицей? Да я там с тоски помру!

И мы говорим о поступлении, о планах, о будущем. И вроде бы всё нормально. Вроде бы всё как всегда. Но что-то изменилось. Я это чувствую. И Аська, я уверен, тоже.

Глава 10

Сижу в кафе, жду Аську, Она опаздывает... Знаете, есть такие люди, которые как будто состоят из тысячи маленьких разноцветных частичек, и эти частички все время перемешиваются, складываются в новые комбинации. Вот Аська именно такая. Она всегда чем-то увлечена. Вот прямо до глубины души увлечена. Меня с самого начала поражала ее всесторонность. Вот правда. Меня всегда так удивляло, как в одном человеке может помещаться столько всего. Столько интересов, увлечений, энергии. Смотрю на часы. Опаздывает уже на двадцать минут. Официант посматривает на меня с легким сочувствием. Наверное, думает, что меня бросили. Заказываю еще сок чтобы не выглядеть совсем уж жалко. А Аська... она такая. Сегодня она на карате, завтра на лепке, хотя не очень понимаю, что в этом крутого - мять какую-то грязь. Сейчас она вдруг серьезно увлеклась танцами. Вот прямо серьезно. Не как я на футбол ходил потому что мама сказала, что нужно. А как человек, который нашел что-то свое. Она мне позвонила как-то, помню, часов в одиннадцать вечера. Я уже спать собирался. А она такая:- Тема! Ты не поверишь! Я нашла самые крутые танцы в мире! И начала рассказывать про какую-то студию современного танца, про какие-то движения, техники. Я, честно говоря, половину не понял, но ее энтузиазм был таким заразительным, что

я невольно улыбался, слушая ее. А потом она меня потащила с собой.

- Просто посмотреть, - говорила она. - Ты только посмотришь и все поймешь.

Иногда я думаю: а что было бы, если бы я был таким, как Аська? Если бы умел так увлекаться, так погружаться в что-то? Я ведь совсем другой. Я осторожный, рассудительный. Я всегда все планирую, взвешиваю, обдумываю. Я никогда не записался бы на карате или на танцы просто потому, что увидел красивую рекламу или встретил интересного человека. А она запросто.

О, кстати, про лепку. Это было между карате и танцами. Она записалась на какие-то курсы керамики. И через неделю у неё на подоконнике стояло штук десять кривоватых, но очень прикольных чашек и тарелок. Она дарила их всем одноклассникам. У меня до сих пор есть кружка, которую она слепила. Немного неровная, с толстыми стенками, но я почему-то очень её люблю и всегда пил из неё, когда делал уроки. Прятал ее от родителей в шкафу, за стопкой одежды. Мама бы точно выкинула "эту мазню", как она называет все, что делается на таких кружках. а тем более от Аски. Вернемся к танцам.... И вот я сидел в каком-то полуподвальном помещении, где пахло немного потом и каким-то освежителем воздуха. На стенах висели зеркала, а в углу стояла музыкальная аппаратура. И я смотрел, как Аська вместе с другими ребятами двигается под музыку. Это было действительно краси-

во. Они так чувствовали ритм, так выражали что-то через движения. Я никогда раньше не думал, что тело может быть таким... выразительным, что ли.

Она с таким воодушевлением про них рассказывала и познакомила меня со своими друзьями по танцам. Клевые ребята. И танцы у них классные. Современные. Не как балет или бальные танцы, а что-то такое... свободное.

А главное, у них всех горят глаза. Они репетируют до ночи, придумывают какие-то номера, обсуждают музыку, костюмы. Аська показывала мне видео с их репетиций. Я, конечно, не большой эксперт, но даже мне было видно, что они реально круто танцуют. Смотрю в окно. Дождь усилился. Люди бегут, прикрываясь сумками, пакетами, чем попало. А я сижу в тепле, пью сок и почему-то вспоминаю, как Аська однажды промокла под таким же дождем. Мы тогда гуляли, и начался ливень. Я предложил спрятаться в подъезде или магазине, а она рассмеялась и сказала:- Зачем? Это же просто вода!И продолжала идти, подставляя лицо каплям. Ее волосы намокли и прилипли к лицу, одежда тоже промокла насквозь, но она выглядела такой... счастливой. Как будто дождь был каким-то чудом, подарком, а не просто мокрой фигней, из-за которой можно потом неделю с соплями проваляться.

А еще помню один случай. Как-то мы гуляли с Аськой в парке, она рассказывала забавные истории, смеялась. А потом вдруг замолчала, посмотрела на небо и говорит:

- Тёма, ты когда-нибудь думал о том, что будет после школы? Ну, в смысле... с нами. Со мной, с тобой..

.- Я в универ пойду, - говорю. - Потом на работу. Надеюсь на престижную.

- А я не про учёбу, - качает головой Аська. - Я про... про жизнь. Какой она будет. Что мы будем делать? Кем будем?

Я пожимаю плечами:

- Не знаю. Нормальной будет, наверное. Выучимся, найдём работу, семьи заведём. Как у всех.

А Аська вдруг говорит так тихо-тихо:

- А я не хочу как у всех. Я хочу... я хочу жить так, чтобы каждый день был особенным. Чтобы не жалеть ни о чём. И смотрит на меня внимательно, а я не знаю, что ответить. Потому что для меня нормальная жизнь - это и есть счастье. Стабильность, уверенность в завтрашнем дне. А для Аськи, похоже, это... смерть. Медленная такая смерть души.

- Ты знаешь, - говорит она вдруг, - у моей бабушки был сундук. Старый такой, деревянный. И там хранились всякие вещи: открытки, билеты в кино, засушенные цветы, фотографии. И я как-то спросила: 'Бабушка, зачем ты всё это хранишь?'.
А она мне: 'Это моя жизнь, Настенька. Каждая вещь - это воспоминание, это моменты, когда я была счастлива'. И знаешь... я тогда подумала, что я тоже хочу такой сундук, полный счастливых моментов".

- У тебя будет целый сундук, Аська. Даже два. А она смот-

рит как-то странно и говорит:

- А что, если не будет времени его наполнить?И от этих слов мне становится не по себе. Будто она знает что-то... что-то, чего не знаю я. Будто заглянула вперёд и увидела там что-то, что её напугало. Но потом Аська смеётся, вскакивает со скамейки и кричит:

- Кто последний, тот гнилой помидор! - и бежит к выходу из парка. И я бегу за ней, и мы хохочем как сумасшедшие, и прохожие смотрят на нас как на ненормальных.И знаете... я часто вспоминаю этот день. Эту пробежку по парку. Эти наши разговоры о будущем, о жизни. Тогда я не придал значения этим словам. Мало ли что может сказать девчонка- подросток в порыве философского настроения. Мало ли о чём мы все думаем в этом возрасте.

Вот так Аська относится ко всему и всегда с улыбкой. Как к подарку, как к чуду. К прогулкам, к карате, к лепке, к танцам. Ко всему, что её окружает.

А еще Аська сейчас готовится выступить на День города. Представляете? На площади, перед тысячами людей. Она рассказывала мне об этом, и глаза у нее блестели, как у пятилетки перед Новым годом. Она так мечтает об этом выступлении, так серьезно к нему готовится.Мне правда каждый раз приходится врать родителям, когда я хожу к ней на репетиции. То про факультатив по истории, то про подготовку к итоговой контрольной по русскому языку. Один раз чуть не попался, когда мама позвонила классной и спросила про до-

полнительные занятия. Еле выкрутился, сказал, что перепутал дни. Но оно того стоит, чтобы видеть репетиции Аськи. Танцоры придумали какой-то сложный номер, с переходами, с разными элементами. Аська показывала мне движения, пыталась объяснить, что они означают, какую историю они хотят рассказать через танец. Я, если честно, не всё понял, но видел, как это важно для нее. Как она буквально живет этим танцем, этим выступлением. Она рассказывала мне, что они будут танцевать прямо на главной площади, что там будет установлена специальная сцена, что придет, может быть, человек несколько тысяч. И говорила она об этом с таким восторгом и одновременно с таким спокойствием, что я даже немного позавидовал. Я бы, наверное, умер от страха при мысли о выступлении перед такой толпой. А она предвкушает, ждет. Звенит телефон. Сообщение от Аськи: "Извини, опаздываю! Буду через 10 мин." И вот тут я почему-то улыбаюсь. Потому что это так типично для Аськи. Опоздать, потому что она зависла где-то ещё. Отправляю ей в ответ смайлик и стикер с котом, который ждет. Сижу дальше и думаю о том, как сложно будет уговорить родителей отпустить меня на День города и чтобы допоздна. Наверное, скажу, что иду с Вовкой и другими ребятами из класса. Или что мы с ребятами с футбола собираемся посмотреть на салют. Придумаю что-нибудь. Главное, увидеть, как Аська танцует на сцене. Как она светится изнутри от счастья. Дверь кафе открывается, и влетает она, вся мокрая, взъерошенная, с блестящими

глазами. Аська. Она машет мне рукой, улыбается виновато, подходит к столику.

- Прости, пожалуйста, - говорит она, садясь напротив меня.

- Я такая растяпа. Нам поставили внеплановую репетицию, а потом я заболталась с девчонками.

- Ничего, - улыбаюсь я.

- Я уже привык.

- Ты не злишься? - она смотрит на меня с таким выражением лица, что злиться на нее просто невозможно.

- Нет, конечно, не злюсь.

- Ты не представляешь, что у нас сегодня было на репетиции! - и она начинает рассказывать, активно жестикулируя, о каких-то новых элементах, о музыке, о том, как их хореограф придумал что-то невероятное для финала номера.

Официант приносит чай, и Аська благодарно улыбается мне.

- Ты помнишь, что я люблю чай с лимоном после репетиций? - она качает головой. - Какой же ты внимательный, Артем. Не то что я...

- Просто у меня хорошая память, - пожимаю плечами.

- А у меня хорошая интуиция, - смеется она.

- Я всегда знаю, что ты не обидишься, если я опоздаю. Ты самый надежный человек, которого я знаю.

И в этом вся Аська. Она может забыть о встрече, может опоздать на час, может увлечься чем-то настолько, что забу-

дет обо всем остальном. Но при этом она всегда искренняя. И почему-то рядом с ней я чувствую себя особенным. Как будто я тоже часть какого-то большого приключения, большой и яркой жизни.

- Знаешь, - говорит она, отпивая чай, - я так волнуюсь перед выступлением. На День города придет столько людей! А что, если я забуду движения? Или упаду? Или...

- Ты будешь великолепа, - говорю я с уверенностью. - Я видел, как вы репетируете. Вы все отлично подготовлены.

- Правда? - она смотрит на меня с надеждой.

- Правда. Тем более у вас еще есть время.

- Иногда мне кажется, что ты в меня веришь больше, чем я сама, - она улыбается, и от этой улыбки в кафе как будто становится светлее, несмотря на серый дождливый день за окном. Аська допивает чай и спрашивает:

- Ты придешь на мое выступление?

- Конечно, приду, - отвечаю я. - Я бы ни за что его не пропустил.

Дождь за окном начинает стихать. Мы допиваем наши напитки и собираемся уходить. Аська накидывает на плечи куртку и говорит:

- Спасибо, что подождал меня. Ты настоящий друг. И в этой простой фразе столько искренности, что я невольно улыбаюсь.

- Всегда пожалуйста, - отвечаю я. - В конце концов, разве можно не подождать такого человека, как ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.